
«БОЛЬШАЯ» ПРОЗА ОАЭ В 1990-е ГОДЫ: ЧЕРТЫ ПОЛИСТАДИАЛЬНОСТИ

М.Н. Суворов

СПбГУ

Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Статья посвящена «большой» прозе Объединенных Арабских Эмиратов 90-х гг. XX в., демонстрирующей совмещение черт разных идейно-художественных направлений: от просветительства и сентиментализма до самых радикальных течений модернизма.

Ключевые слова: ОАЭ, арабская литература, арабская проза.

Современная художественная литература Объединенных Арабских Эмиратов, формирование которой началось лишь в 70-е гг. XX в., сразу после обретения этими эмиратами государственности, является ярким примером воплощения теории ускоренного развития «отставших» литератур, выдвинутой в свое время Г.Д. Гачевым. Особенностью таких литератур является полистадиальность, т.е. синхронное совмещение в них черт разных стадий развития литературы, которые в более «старых» литературах имели большую временную протяженность и более отчетливо выраженную последовательность. Смещение черт просветительства, романтизма и реализма уже было отмечено нами в «большой» прозе ОАЭ 70—80-х гг. XX в. [1]. В настоящей же статье мы рассмотрим эмиратскую «большую» прозу последнего десятилетия, представляющую собой в идейно-художественном отношении еще большую «мозаику» (1).

Али Абдаллах Абу-р-Риш (р. 1956, Рас-эль-Хайма), который во втором из двух опубликованных им в 1980-е гг. романов «компенсировал» фактическое отсутствие интриги обильными рассуждениями житейского характера, сделал то же самое и в своем третьем романе «Пепел крови» (Рамад ад-дам, 1992), основанном, по-видимому, на личных впечатлениях автора от учебы на отделении психологии Каирского университета. Многословный и лишенный ясной идеи, роман повествует о жизни двух молодых эмиратцев, Джабера и Маджеда, обучающихся в Каирском университете. Канву повествования составляют внутренние монологи Джабера о важности получения образования, об изменении условий жизни в эмиратах, о нравственности и социальной справедливости, его разговоры на эти и другие темы с однокурсниками-эмиратцами, а также беседы Маджеда с египетской студенткой, в которую он влюблен. Собственно каирские реалии отражены во всем этом настолько слабо, что создается впечатление, будто сам автор во время учебы в Каире почти не интересовался окружающей его действительностью.

Три следующих романа Абу-р-Риша: «Окно в безумие» (Нафизат аль-джунун, 1993), «Курган идола» (Талль ас-санам, 1995) и «Салаяим» (1997), чрезвычайно схожие между собой в содержательном и выразительном планах, обозначили стремление писателя к обновлению своей творческой манеры. Первый роман представляет собой непрерывный внутренний монолог некоего пятидесятилетнего Саи-

да, разочарованного в жизни и людях, сломленного собственными неудачами, испытывающего чувство доходящего до безумия отчуждения. Этот страдальческий по интонациям монолог, впрочем, способен вызвать у читателя лишь чувство утомления, поскольку совершенно лишен какой-либо конкретики, связанной с жизнью Саида. Иными словами, причины страданий героя остаются фактически неизвестными, а потому и сами страдания выглядят абсолютно надуманными. Роман вполне можно было бы считать одним из типичных неудачных модернистских экспериментов, каких в арабской литературе к тому времени накопилось уже множество, если бы не его нетипично большой для сочинений подобного рода объем — 144 страницы.

Второй из этих романов написан практически в той же манере. Большую часть его текста составляет поток сознания некоего Ма'туха, т.е. «дурачка», который в детстве страдал от презрительного отношения к себе со стороны матери и в результате приобрел глубочайший комплекс неполноценности. Ма'тух бежит от людей; единственным его собеседником является слепец Дарир, который учит «дурачка» силе духа, гармонии духа и тела, внушая ему не самые оригинальные с точки зрения психологии и философии мысли — мысли, принадлежащие автору романа.

Третий роман представляет собой поток сознания некоего Абдаллаха аш-Шадида, доживающего свой век в психиатрической лечебнице. Этот поток сознания состоит из обрывочных чередующихся картин, относящихся к детству и юности героя; по большей части это образы людей, которые когда-то произвели на него впечатление. Это, например, странная женщина по имени Салаяим, прожившая всю жизнь в одиночестве в бедуинской палатке и отвергшая всех мужчин, пытавшихся завоевать ее сердце. Это Шамса, которую Абдаллах любил, но бросил, не в силах смириться с ее меркантильностью. Это Газаля, пытавшаяся внушить полному психологическим комплексам Абдаллаху веру в собственные силы. Это капитан судна, на котором Абдаллах служил матросом; ненавидевший замкнутый характер своего подчиненного, капитан однажды приказал выбросить Абдаллаха за борт, на съедение акулам. Это также три странных чужака, живших в родном селении Абдаллаха, но избегавших контактов с местными жителями: Салем-магрибинец, Абдо-йеменец, и Рашед-сомалиец. Все эти образы в романе не способствуют выражению сколько-нибудь ясной авторской идеи, и даже восприятие их в качестве неких символов не представляется возможным по причине отсутствия в них необходимой для этого цельности.

Совершенно иные идейно-художественные черты мы видим в повести «Печаль, дочь горестной судьбы» (Шаджан, бинт аль-кадар аль-хазин, 1992), которую под псевдонимом Хисса Джум'а аль-Ка'би опубликовала Сара аль-Джарван (р. 1969, Масфут). Повесть представляет собой довольно примитивную мелодраму, какие изобиловали в египетской литературе первой четверти XX в., призванные «выжимать слезы» из читателя.

Халед, герой повести Сары аль-Джарван, подвозит на машине скрывающегося от полиции юношу, в котором он скоро угадывает переодетую девушку, и дает

ему (ей) приют в своей квартире. На третий день совместного проживания девушка открывает Халеду свой истинный пол, называя себя именем, которое вынесено в заглавие повести, и просит помочь ей бежать из ОАЭ на Бахрейн. После дальнейшего совместного проживания — при сохранении невинности отношений — Халед, который сам родом из Бахрейна, помогает девушке переправиться на свою родину, получить там работу продавщицы и снять жилье. Девушка работает в магазине одежды, маскируясь под пожилую женщину, поскольку продолжает скрываться от полиции. Вскоре на Бахрейн приезжает Халед и во время ежедневных встреч с девушкой узнает ее печальную историю. Дважды насильно выданная замуж и получившая развод от своих недостойных мужей, познавшая в промежутке между замужествами несчастную любовь и едва не заморенная голодом жестоким отцом, считающим ее «позором семьи» (мать при этом остается за рамками повествования), она решилась бежать из дома и попытаться самой построить свою судьбу. Халед, влюбившийся в девушку еще во время совместного проживания в ОАЭ, открывает ей свои чувства; она же, испытывая взаимное чувство, продолжает его скрывать, считая себя недостойной Халеда. Когда же наконец взаимность чувств становится очевидной, герои попадают в дорожно-транспортное происшествие, полиция узнает личность пострадавшей, а в больнице выясняется, что у нее давняя неизлечимая опухоль мозга и ей осталось жить считанные месяцы. Вызванные полицией, в Бахрейн приезжают отец и брат девушки; второй из них, «защищая честь семьи», смертельно ранит сестру, еще не вышедшую из больничной палаты. Истекая кровью на руках у Халеда, девушка просит любимого не выдавать полиции ее брата, а вовремя прибывший отец в раскаянии целует руки умирающей дочери.

Крайне сентиментальные диалоги двух героев, их чрезвычайно благородное и целомудренное поведение, их безмерная впечатлительность, порождающая слезы и обмороки, «сказочный» прием неузнавания переодетой героини, полное отсутствие хотя бы малейших реалий общественной жизни ОАЭ и Бахрейна — все это позволяет отнести повесть к дореалистическому типу литературы.

Особым явлением в большой прозе ОАЭ, да и в арабской литературе вообще, стало относительно небольшое (около 60 страниц) сочинение Сани Абдаллаха ас-Сувеиди (р. 1965, Дубай) под названием «Дизель» (ад-Дизель, 1994), которое условно можно отнести к жанру повести. Изданное в Бейруте, это сочинение в течение десяти лет после его публикации было запрещено к распространению в ОАЭ, но многократно переиздавалось в других арабских странах, а в 2012 г. вышло также в английском переводе.

Повествование в «Дизеле» ведется от лица некоего персонажа, остающегося на протяжении большей части этого повествования безымянным, излагающего нечто вроде своих воспоминаний «соседу», как можно понять из текста, немому. Лишь в конце повествования проясняется, что рассказчика зовут Дизель, однако остается неизвестным, когда и почему он получил это имя. Также выясняется, что Дизель — в момент повествования якобы уже парализованный — в прошлом был руководителем выдающегося музыкально-танцевального коллектива, чья власть

над умами и сердцами людей превосходила власть всех светских и духовных правителей. Воспоминания Дизеля, если их вообще можно считать воспоминаниями, представляют собой серию слабо связанных между собой эпизодов, в основном иррационального и сюрреалистического характера, напоминающих сны или галлюцинации. В этих «галлюцинациях» важное место занимают сцены сексуального характера, которые и сами по себе «невнятные», сюрреалистичны, однако создают в повествовании некую эротическую атмосферу. Еще одной чертой этих «галлюцинаций» является то, что их образность выглядит заимствованной из фольклора арабских рыбаков и мореплавателей, благодаря чему в повествовании присутствует и некий национальный колорит. Можно отметить также и антиклерикальный мотив, выражающийся в эпизодах проявления мусульманскими священнослужителями стремления к запретным любовным утехам. Среди всех этих воспоминаний-галлюцинаций чрезвычайно сложно, однако, уловить сколько-нибудь внятную сюжетную линию.

Фактически ни одно действие в «Дизеле» не имеет определенности в плане его причин, целей и сущности. Эта неопределенность проистекает прежде всего из характера самого языка повествования, который можно назвать одновременно и «поэтизированным», и несвязным. Ас-Сувейди использовал свойственную поэзии специфическую экспрессивную лексику, из которой создавал неестественные синтаксические конструкции, так, чтобы чтение его текста превратилось для читателя в непрерывное усилие по расшифровке смысла, не приводящее в итоге к уверенности в том, что прочитанное понято правильно. О том, что автор делал это намеренно, свидетельствует и тот факт, что в опубликованном тексте тщательно расставлены краткие гласные и падежные окончания, т.е. читателю предлагалось попытаться расшифровать смысл именно тех лексико-синтаксических конструкций, какие задумал автор, а не подбирать возможные варианты прочтения (2). Вот, например, один из относительно несложных для восприятия фрагментов повествования, выбранный нами лишь по причине возможности его адекватного перевода:

«Многие жители селения стали стекаться в мой дом, подобно струйкам песка, насыщаться болью зари, затем возвращаться в свои дома, несомыми на своих ногах, с растаявшими в их смешавшихся с потом сандалиях песчинками, так что когда кто-то из них входил в свой дом, его жена сразу узнавала, что муж вернулся. И часто случалось, что запах пота и песка был неразличимым, если подуть на него перед уходом, и тогда любой из них имел возможность спать с любой женщиной в селении, потому что она могла подумать, что это ее собственный муж» [7. С. 46].

Когда был издан английский перевод «Дизеля», порожденный, по-видимому, лишь интересом самого переводчика — известного специалиста в области арабской литературы — к необычным литературным явлениям, в англоязычной прессе и на страницах Интернета появилось довольно большое число отзывов на это сочинение. Писали, что герой повествования — это демон, выбравшийся на свет из-под песков Аравии, олицетворяющий собой нефть и все те культурные трансформации — особенно в сфере гендерных отношений, — которые нефть принесла

в страны Персидского залива. Писали, что ас-Сувейди еще в начале 1990-х гг. фактически предсказал социально-политический и культурный кризис арабского мира, породивший в начале второго десятилетия XXI в. события «арабской весны». Писали, что именно выражением этого кризиса и служит несвязность, искусственность языка повествования в «Дизеле». Писали также, что «Дизель» является самым радикальным экспериментом в современной арабской литературе и что единственный автор, чей стиль напоминает стиль ас-Сувейди, — это франкоязычный марокканец Тахар Бенджаллун. Писали, что «Дизель» — сочинение интересное, оригинальное, забавное, шокирующее, непонятное, «темное», нечитаемое, чуждое нормальному сознанию. Столь широкий спектр определений, данных читателями и критиками сочинению ас-Сувейди, свидетельствует лишь о том, что критерии оценки подобных «экспериментальных» произведений литературы до сих пор не выработаны.

Воплощением старых традиций арабской литературы стал роман «Это случилось в Стамбуле» (Хадаса фи Истанбул, 1995), написанный известным эмиратским поэтом Каримом Ма'туком аль-Марзуки (р. 1963, Шарджа), выпускником отделения арабского языка университета Бейрута. Сюжет романа представляет собой приключения — по большей части любовного характера — молодого поэтически одаренного эмиратца по имени Марзук, пребывающего в качестве туриста в Стамбуле. По причине мужской неотразимости героя у него почти одновременно завязываются любовные связи с несколькими женщинами: с йеменкой Худой, с племянницей его турецкого гида красавицей Нефрой, которая даже дарит Марзуку собственную квартиру, с художницей Лейлой. Попутно Марзук вспоминает свою связь с красавицей-ливанкой Сальвой, внимания которой пытались добиться все окружавшие ее молодые люди. Марзук общается и с несколькими молодыми арабами, находящимися в Стамбуле, однако главным его собеседником выступает его гид Абу-Хасан аль-Карт, турок арабского происхождения, пройдоха и балагур, рассказывающий герою массу интересных историй. Роман, впрочем, имеет мало общего как с традиционным арабским жанром путевых записок *рихля*, так и с классическим приключенческим романом. Повествование в нем по большей части представляет собой сентиментально-романтическое, поэтизированное изображение чувств героя, дополняемое при каждом удобном случае соответствующими стихотворными вставками, объем которых порой доходит до двух страниц. Указанные черты романа (два основных собеседника, соединение прозы с поэзией, гипертрофированное изображение чувств) роднят его одновременно и со средневековой арабской плутовской новеллой — *макамой*, — и с любовно-сентиментальными арабскими романами начала XX в.

В традициях арабской просветительской литературы конца XIX в. написал свои исторические романы «Белый шейх» (аш-Шайх аль-абйад, 1996) и «Непоскорный эмир» (аль-Амир ас-са'ир, 1998) принц Султан б. Мухаммед аль-Касеми (р. 1939, Шарджа), правитель эмирата Шарджа, профессиональный историк, защитивший в Великобритании две диссертации: по истории и политической географии.

Роман «Белый шейх», действие которого относится к первой половине XIX в., посвящен реальной истории американца голландского происхождения Иоганна Германа Полла, который волею судьбы в ранней юности оказался в Аравии и впоследствии стал одним из влиятельных шейхов в оманской провинции Дофар. История эта следующая. В 1805 г. девятилетний Иоганн был принят юнгой на торговое судно «Эссекс», отправившееся из американского порта Сейлем в плавание к берегам Аравии. По прибытии в Аден моряки не обнаружили там необходимых им запасов кофе и отправились в Красное море, в порт аль-Лухейя, где таковые запасы якобы имелись. На рейде у острова Камаран экипаж судна подвергся нападению арабов, вовлеченных в англо-французское соперничество за влияние в Красном море. Нападение было инспирировано сейидом Мухаммедом б. Акилем (3), уроженцем Дофара, контролировавшим крупную морскую торговлю в Аравийском и Красном морях и поддерживавшим французов. Из числа членов экипажа «Эссекса» в живых остался лишь юный Иоганн, которого сейид по просьбе своей бездетной жены решил усыновить. Мальчику дали новое имя — Абдаллах, он принял ислам и воспитывался в семье сейида, воспринимая новую для него культуру. Впрочем, этот период жизни Иоганна, или Абдаллаха, остается в романе за рамками повествования, в то время как автор излагает подробности торгово-политической деятельности его приемного отца. Потеряв свое влияние в Красном море, сейид Мухаммед обосновывается в дофарском Мирбате, где строит крепость и продолжает развивать свой морской торговый бизнес. Очень скоро сейид становится фактическим правителем Дофара и прилегающих областей, переносит свою резиденцию в город Салала, но в 1829 г. погибает от рук политических соперников — дофарского племени кара. К этому времени его приемный сын уже женат на арабке, имеет детей и бороздит моря в качестве капитана одного из кораблей сейида. Здесь автор снова подробно рассказывает о военно-политических событиях в регионе и об участии в них Абдаллаха. Заняв после смерти приемного отца его место, Абдаллах организует военную операцию с целью возвращения захваченного противниками Мирбата, в ходе которой убивают двух его сыновей, а самого его ранят. Во время лечения от ран в Мирбате (с чего и начинается роман) он рассказывает местным жителям свою необычную историю, излагаемую автором в основном от третьего лица, и там же махрийские шейхи, против которых Абдаллах воевал, избирают его своим верховным «белым шейхом». На этом роман заканчивается, оставляя читателя в неведении относительно дальнейшей судьбы героя.

Изложение вышеописанного сюжета в романе ведется в стиле исторической хроники, с указанием реальных дат, мест событий, имен участников. Диалоги при этом крайне немногочисленны, и внутренний мир персонажей остается абсолютно за рамками интереса автора. Впрочем, уже в авторском предисловии к роману содержится намек на этот историко-документальный характер предстоящего повествования. Автор говорит, что для написания романа он использовал целый ряд исторических арабских документов, а также западных, которые он собрал в ходе своих поездок в США, Европу и Индию; кроме того, ему удалось найти в Дофаре

внука «белого шейха», сейида Абд аль-Халека б. Салема б. Раби'. Непосредственным же поводом к написанию романа, как говорит автор, стала его встреча с американским киноактером Патриком Суэйзи, который рассказал, что давно мечтает сыграть роль арабского шейха, но пока не нашел подходящего сценария.

Второй роман Султана б. Мухаммеда аль-Касеми «Непокорный эмир» написан в том же стиле исторической хроники. В нем повествуется о политических событиях, происходивших в 1750—1760-е гг. в районе северо-восточного побережья Персидского залива. Главным действующим лицом этих событий в романе стал арабский эмир Маханна б. Насер б. Хамад аз-Зу'аби, правитель Бендер-Рига и острова Харк, пытавшийся сохранить независимость своей вотчины от власти персидского правителя Ширази, противостоявший проникновению голландцев и англичан в регион Персидского залива, постоянно боровшийся за власть со своими ближайшими родственниками и соседними арабскими эмирами и закончивший свою жизнь на виселице в Басре.

Завершая рассмотрение «большой» прозы ОАЭ 90-х гг. XX в., можно сделать вывод о том, что наблюдаемый в ней типологический «разброс» оказался еще большим, чем в два предыдущих десятилетия. К сочинениям, базирующимся на традициях просветительства и сентиментализма конца XIX — начала XX вв., добавились произведения, типологически относящиеся к модернистской прозе, причем в случае «Дизеля» ас-Сувейди — к ее наиболее радикальным современным направлениям. Явным «пробелом» в этом спектре идейно-художественных подходов оказался, однако, реализм (4) — очевидно, в силу воздействия таких факторов, как существование государственно-религиозной цензуры, «осторожность» автора, связанного конфессиональными, сословными, гендерными и прочими ограничениями, склонность аравийских читателей, пока еще недостаточно хорошо понимающих сущность современной художественной прозы, воспринимать все написанное как личный опыт автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Согласно информации, содержащейся в ряде библиографических справочников, в 90-е гг. XX в. были опубликованы тринадцать произведений эмиратской «большой» прозы, из которых мы не рассматриваем четыре, оказавшиеся для нас недоступными: «Ангелы и демоны» (Маля'ика ва-шайатин, 1990) Басемы Йунис, «Двойственность Муджбиля ибн Шахвана» (Суна'ийят Муджбиль ибн Шахван, 1997) Али Абу-р-Риша, «Кто беспокоится о мухах» (Ман йа'тани би-з-зубаб, 1998) Мухаммеда аль-Мазру'и и «Карима» (1999) Мане' аль-'Утейбы.
- (2) В обычном арабском тексте надстрочные и подстрочные значки, обозначающие краткие гласные и падежные окончания, как правило, не ставятся, и поэтому разные слова в записи могут выглядеть одинаково. Читатель «восстанавливает» слово самостоятельно, исходя из контекста.
- (3) Сейид — представитель традиционной аравийской религиозно-административной элиты.
- (4) Судя по отзывам ряда эмиратских критиков, те произведения «большой» прозы ОАЭ 1990-х гг., которые в нашей работе не были рассмотрены, также нельзя отнести к реалистическому направлению.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Суворов М.Н.* «Большая» проза ОАЭ на этапе становления (70—80-е гг. XX века) // Вестник СПбГУ. Сер. 13 (в печати).
- [2] *Абу-р-Риш, Али.* Рамад ад-дам (Пепел крови). — Бейрут: Маншурат Мирим, 1992.
- [3] *Абу-р-Риш, Али.* Нафизат аль-джунун (Окно в безумие). Б.м., б.д.
- [4] *Абу-р-Риш, Али.* Талль ас-санам (Курган идола). Б.м., б.д.
- [5] *Абу-р-Риш, Али.* Салайим. — Каир: Дар шаркийат, 1997.
- [6] *Аль-Ка'би, Хисса Джум'а.* Шаджан, бинт аль-кадар аль-хазин (Печаль, дочь горестной судьбы). — Шарджа: Дар ас-сакафа аль-'арабийя, 1992.
- [7] *Ас-Сувайди, Сани.* Ад-Дизель. Изд. 6-е. — Бейрут: Дар аль-джадид, 2011.
- [8] *Ма'тук, Карим.* Хадаса фи Истанбул (Это случилось в Стамбуле). — Шарджа: Итти-хад куттаб ва-удаба' аль-Имарат, б.д.
- [9] *Аль-Касеми, Султан б. Мухаммед.* Аш-Шайх аль-абйад (Белый шейх). — Шарджа: Дар аль-Халидж, 1996.
- [10] *Аль-Касеми, Султан б. Мухаммед.* Аль-Амир ас-са'ир (Непокорный эмир). — Каир: аль-Хай'а аль-мисрийя аль-'амма ли-ль-киتاب, 1998.

LITERATURA

- [1] *Suvorov M.N.* “Bolshaya” proza OAE na etape stanovlenia (70—80-e gg. XX veka) // Vestnik SPbGU. Ser. 13 (in print).
- [2] *Abu al-Rish, 'Ali.* Ramad al-dam. — Beirut: Manshurat Mirim, 1992.
- [3] *Abu al-Rish, 'Ali.* Nafidhat al-junun. N.p., n.d.
- [4] *Abu al-Rish, 'Ali.* Tall al-sanam. N.p., n.d.
- [5] *Abu al-Rish, 'Ali.* Salayim. — Cairo: Dar sharqiyat, 1997.
- [6] *Al-Ka'bi, Hissa Jum'a.* Shajan bint al-qadar al-hazin. — Sharjah: Dar al-thaqafa al-'arabiyya, 1992.
- [7] *Al-Suwaidi, Thani.* Al-Dizil. 6th ed. — Beirut: Dar al-jadid, 2011.
- [8] *Ma'tuq, Karim.* Hadatha fi Istanbul. — Sharjah: Ittihad kuttab wa udaba' al-Imarat, n.d.
- [9] *Al-Qasimi, Sultan b. Muhammad.* Al-Shaikh al-abyad. — Sharjah: Dar al-Khalij, 1996.
- [10] *Al-Qasimi, Sultan b. Muhammad.* Al-Amir al-tha'ir. — Cairo: al-Hai'a al-misriyya al-'amma li-l-kitab, 1998.

EMIRATI NOVEL IN THE 1990S: FEATURES OF POLYSTADIALITY

M.N. Suvorov

St. Petersburg State University
Universitetskaya nab., 11, St.Petersburg, Russia, 199034

The article is devoted to Emirati novels of the 1990s, which embraced features of different literary traditions: from old enlightenment and sentimental approaches to the most radical modernist trends.

Key words: the UAE, Arabic literature, Arabic prose.